

УДК 82-32

Алиева Г.Н., Зербалиева Н.Ф.

(г. Махачкала)

РЕЧЕВАЯ СТРУКТУРА РАССКАЗА В.М. ШУКШИНА
«АЛЕША БЕСКОНВОЙНЫЙ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей использования несобственно-прямой речи, которая строится как диалог героя с самим собой и отсутствующим собеседником. В статье представлена трансформация авторского слова в несобственно-авторское повествование, проанализированы текстовые фрагменты рассказа с несобственно-прямой речью, выявлено функционально-семантическое своеобразие речевых средств. Показано, как с помощью несобственно-прямой речи осуществляется естественный переход от внешней точки зрения на героя к внутренней и как авторский монолог постепенно диалогизируется благодаря взаимодействию повествователя, героя и необозначенных персонажей.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, речевые конструкции, просторечие, фразеологические сочетания, разговорная речь, неологизм, метафорический оборот.

G. Aliyeva, N. Zerbaliyeva

(Makhachkala)

SPEECH STRUCTURE OF V. SHUKSHIN'S STORY
«ALESHA BESKONVOYNYI»

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of using double indirect discourse, which is constructed as a character's dialogue with himself and the missing companion. The article presents the transformation of the author's words nonintrinsic-author narration, analyzes text fragments of the story with the double indirect speech, reveals functional and semantic peculiarity of speech means. This paper shows the way the double indirect discourse naturally transits from the external point of view on the character's to the inner one, and the way the author's monologue gradually dialogizes due to the interaction of the narrator, the character and the unmarked characters.

Key words: double indirect discourse, speech constructions, vernacular, phraseological units, colloquial speech, neologism, metaphorical expression.

Как известно, различные виды речевой деятельности предполагают и различные способы формирования и формулирования мысли (предмета речевой деятельности), разные формы организации речевого общения и

соответствующие формы речи. Таких форм, по определению И.А. Зимней, существует три: внешняя устная, внешняя письменная и внутренняя речь. Речь, являясь преимущественно средством и формой общения, реализует эту функцию посредством разных видов и форм речи.

В современной лингвистике актуальным является рассмотрение видов речевой деятельности в художественной прозе. Особый интерес в этом плане представляют рассказы выдающегося мастера слова В.М. Шукшина.

Цель нашего исследования – выявить функции несобственно- прямой речи в рассказе В.М. Шукшина «Алеша Бесконвойный».

Рассказ «Алеша Бесконвойный» – один из поздних рассказов В. Шукшина. Он был написан в декабре 1972 г. и опубликован в газете «Литературная Россия» 19 января 1973 г. Речевая структура его, отражающая мироощущение, взгляды и позицию автора, оригинальна, сложна и многослойна. В рассказе использован такой тип повествования, который в работах последних лет получил название «характерологического» [1, с. 2]. Оно организуется точкой зрения и речевыми средствами героя, которые проникают в авторскую речь и влияют на все конструктивные моменты произведения.

В рассказе нет безликого автора-повествователя. Между автором (биографическим) и читателем находится рассказчик, в речевую сферу которого органично входят конструкции и интонации речи героя и других персонажей. Уже первый абзац рассказа дает возможность читателю почувствовать своеобразие такой речевой манеры. «Его и звали-то не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник, больше того – старательный работник, умелый (летом он пас колхозных коров, зимой был скотником – кочегарил на ферме, случалось –ночное дело – принимал телят), но наступала суббота и тут все: Алеша выпрягался» [6, с.121].

С первых же фраз начального абзаца рассказа заметна и установка на устную разговорную речь, передаются ее естественные интонации и соответствующие конструкции («его и звали-то не Алеша, а Костя...», «кочегарил...», «случалось – ночное дело...», «и тут все: Алеша выпрягался»), и одновременно отмечается следование нормам литературного языка («редкая в наши дни безответственность, неуправляемость», «...впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно»). Таким образом, судя по содержанию и форме речи рассказчика в первом абзаце, можно признать, что он принадлежит к числу более грамотных, начитанных, чем рядовые жители деревни, односельчан героя и его точка зрения на Алешу здесь совпадает с определенной автором как общей оценкой.

В следующем отрывке эта внешняя по отношению к герою точка зрения рассказчика и жителей села конкретизируется, уточняется. «Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье. И даже уж и забыли, когда он завел себе такой порядок, все знали, что он преподобный Алеша сроду такой – в субботу и воскресенье не работает. Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку... Что он делал в субботу? В субботу он топил баню. Все. Больше ничего. Накалял баню. Мылся и начинал париться! Парился, как ненормальный, как паровоз, по пять часов парился! С отдыхом, конечно, с перекуром... Но все равно – это же какой надо иметь организм! Конский?» [6, с. 125].

Это коллективная оценка поведения героя выражает иронию («этот преподобный Алеша»), удивление (продолжительность процедуры), непонимание необычности поведения, непохожести на окружающих, странности. Неслучайным, знаковым является здесь слово «ненормальный». В ряде рассказов Шукшин («Психопат», «Чудик», «Даешь сердце!») именно этим словом характеризует обыденное сознание человека незаурядного, «с особенкой». Односельчане Алеша Бесконвойного нежелание героя жить как все, подчиниться общему правилу оценивают как его безответственность, упрямство.

Однако и эта оценка поведения героя в субботу не столь категорична. Тот факт, что Алешу оставили в покое, «махнули на него рукой», свидетельствует о том, что люди почувствовали в позиции героя нечто для него серьезное и важное. Но они сохранили по отношению к нему «взгляд со стороны», извне. Рассказчик же уже в конце небольшого вступления становится на точку зрения героя, и тогда оценка поведения Алеша резко меняется, становится уважительной, даже поэтической. «В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня суббота. И сразу у него в душе распухала тихая радость. Он даже лицом светлел» [6, с. 125]. Этот метафорический оборот вызывает ассоциацию с праздником, праздником души. Он всегда сопрягался у Шукшина со словом «радость». Потребность в празднике, участие в нем высвечивает обычно лучшее в человеке, позволяет раскрыться истинным свойствам его характера.

То, что во вступлении было лишь намечено, оживает, конкретизируется, обретает плоть в основной и большей части рассказа, которая представляет собой описание одного такого праздника души Алеша Бесконвойного, одного субботнего дня, когда он, отрешившись от повседневных забот, топил баню.

В главной части произведения рассказчик ориентируется на точку зрения и слово героя: «Алеша еще разок закурил... Ни у кого баня не топилась. Потом будут, к вечеру, на скорую руку, кое-как, пых-пых... Будут

глотать горький чай и париться. Напарится не напарится – угорит, придет, хлятнется на кровать еле живой – и думает, это баня. Хэх! Алеша бросил окурок... и пошел топить» [6, с. 127]. Такое взаимопроникновение речи рассказчика и героя образует несобственно-прямую речь, которая принимает различные формы, в том числе, как в данном отрывке, строится «как диалог персонажа с самим собой и как диалог с отсутствующим собеседником» [6, с. 41]. Речь рассказчика при этом плавно переходит в речь героя, представляющую поток его сознания, цепь ассоциаций. «Алеша присел на корточки перед каменкой и неотрывно смотрел, как огонь, сперва маленький, робкий, трепетный, все становится больше, все надежней. Алеша всегда много думал, глядя на огонь. Например: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Да два полена и то сторают неодинаково...» [6, с. 127]. Здесь герой выступает и как объект и как субъект повествования, а слияние в одном высказывании двух голосов, двух речевых манер, двух точек зрения придает несобственно-прямой речи особую убедительность и естественность, служит средством выражения самых важных, глубоких мыслей автора и его героя о жизни, ее законах. Несобственно-прямая речь становится средством раскрытия самого важного, глубинного в характере Алеши. «Или еще он сделал открытие: человек, помирая – в конце самом, – так вдруг захочет жить, так обнадеется, так возрадуется какому-нибудь лекарству!... Это знают. Но точно так и палка любая: догорая, так вдруг вспыхнет, так озарится вся, такую выкинет шапку огня, что диву даешься: откуда такая последняя сила?» [6, с. 128].

Особую убедительность придает несобственно-прямой речи сочетание безличных и обобщенно-личных конструкций, глагольных форм 2-го и 3-го лица единственного числа. «Но вот бывает: плохо с утра, вот что-то противно, а выйдешь с коровами за село, выглянет солнышко, загорится какой-нибудь куст тихим огнем сверху... И так вдруг обогреет тебя неожиданная радость, так хорошо сделается, что станешь и стоишь, и не заметишь, что стоишь и улыбаешься. Последнее время Алеша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он – любит. Стал случаться покой в душе – стал любить. Людей труднее любить, но вот детей и степь, например, он любил все больше и больше» [6, с. 135].

Неторопливые размышления героя в его банный день касаются больших нравственно-философских проблем: смысла и цели жизни, любви к природе, всему живому, детям, ответственности перед ними. В их высоко-нравственном разрешении – проявление душевного богатства, душевной красоты героя. «Мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность – жизнь стала понятной, то есть она была

рядом, за окошечком бани, но Алеша стал негодяем для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный» [6, с. 134]. Таким образом, В.М. Шукшин показывает, что внутреннее ощущение, через которое прошел Алеша в банный день, позволило ему ощутить и свою сопричастность общей жизни, и свою самооценку. Так, в форме несобственно-прямой речи осуществляется плавный, естественный переход от внешней к внутренней точке зрения на героя, уточняется, мотивируется его жизненная позиция.

Характерно, что несобственно-прямая речь, вызванная бытовыми явлениями и ситуациями, чаще включает просторечия, слова и конструкции разговорной речи, фразеологические сочетания. «Скоро он так *натюкал* большой ворох... Алеша стаскал их в баню, аккуратно *склал* возле каменки. Еще потом будет момент – разжигать тоже милое дело...» [6, с. 126, курсив наш – Г.А., Н.З.]. Но связь речи (ее лексики особенно) с ситуацией не столь прямолинейна. В этом же эпизоде переданы поэтические впечатления Алеша от созерцания поленьев. «Долго стоял и смотрел на этот ворох. *Белизна и сочность, и чистота сокровенная поленьев, и дух от них – свежий, утряной, чуть стылый, лесовой*» [6, с. 126, курсив наш – Г.А., Н.З.]. В размышлениях же героя, переданных средствами несобственно-прямой речи, о больших и важных философских вопросах преобладают слова высокого поэтического стиля, яркие, выразительные: «И вот это тоже очень волнующий момент – когда разгорается. Ах, славный момент! Алеша присел на корточки перед каменкой и неотрывно смотрел, как огонь, сперва маленький, робкий, *трепетный* – все становится больше, все надежней» [6, с. 127, курсив наш – Г.А., Н.З.]. Или еще: «Алеша любил детей... Иногда он подолгу внимательно смотрел на какого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и *восторга*. Он все *изумлялся* природе: из чего получился человек?! Ведь не из чего, из малой какой-то малости. Особенно он их любил, когда они были еще совсем маленькие, беспомощные... что стебелек малый...» [6, с. 128, курсив наш – Г.А., Н.З.].

Чистая, высокая, трепещущая душа внутренне свободного человека, прекрасного в своей непосредственности, искренней потребности в добре, в согласии с самим собой и окружающим миром, раскрывается в своеобразном внутреннем монологе Алеша, данном в форме несобственно-прямой речи. При этом с помощью внутренней речи (несобственно-прямая речь автора от третьего лица, переходящая в речевой план главного героя) создается единая речевая характеристика Алеша Бесконвойного. «Алеша все напевал... Какой желанный покой, господи! Ребятишки не болеют, ни с кем не ругался, даже денег займы взяли... Жизнь: когда же самое главное время ее? Может, когда воюют? Алеша воевал... всю жизнь потом с омерзеньем вспоминал войну... Алеша серьезно вдумывался в жизнь: что в ней за

тайна, надо ее жалеть, например, или можно помирить спокойно. Нет, жить, конечно, имеет смысл. Другое дело, что мы не всегда умеем» [6, с. 130–133].

Произнесенная речь героя в рассказе представлена в основном диалогом. В рассказе диалог по-разному соотносится с авторским повествованием и во многом обуславливается его строением. Чувства и настроение героев, их отношение к происходящему автор стремится передать путем определенного соотношения реплик и авторского повествования, реплик и ремарок, а также реплик между собой. Для диалога существенен характер реплик. При этом активна не только семантика, но и стилистика языковых единиц.

Только к концу рассказа определяется смысл его заглавия, ибо *бесконвойность* героя (а слово это по сути – индивидуально-авторский неологизм) осознается как естественное право человека оставаться самим собой, иметь собственное мнение, иметь возможность подумать о жизни, ее истинных ценностях.

Таким образом, две сюжетные линии, внешняя и внутренняя, определили использование в рассказе различных типов повествования: несобственно-прямой речи автора, речи главного героя и речи деревенских жителей. Специфика авторской позиции в рассказе «Алеша Бесконвойный» определяется ее субъективной многоплановостью, которая выражается в наличии неназванного, но стилистически выделяющегося рассказчика; глубоким взаимопроникновением и взаимовлиянием речи автора-рассказчика и главного героя.

Литература:

1. Акимова Г.Н. Новые явления в синтаксическом строе языка. Л., 1982. 130 с.
2. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого). М.: МПГУ, 2003. 348 с.
3. Кожевникова Н.А. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М., 1977. 336 с.
4. Кукуева Г.В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование. Барнаул, 2008. 284 с.
5. Чувакин А.А. Лингвоэвокационная структура прозы В.М. Шукшина: к постановке проблемы (на материале рассказов) // Творчество В.М. Шукшина. Язык. Стил. Контекст. Барнаул, 2006. С. 112–124.
6. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1985. Т. 3. 680 с.